

Доктору Дэн было уже за пятьдесят. Она носила аккуратное каре и безоправные очки. Вопреки своей строгой, подтянутой внешности, женщина отличалась мягким характером и тихим, убаюкивающим голосом — любой разговор с ней действовал на измученных людей как спасительный глоток свежего воздуха.

За плечами у доктора Дэн были десятилетия безупречной практики. В городе S её заслуженно считали одним из ведущих психотерапевтов. Через её кабинет прошли тысячи пациентов, однако недавний случай поставил опытную женщину в тупик.

Дело было даже не в тяжести расстройства. Психотерапевты не боятся сложных диагнозов; куда страшнее для них — глухое недоверие. За всё время лечения этот мальчик, Ли Чжи, не проронил в её присутствии ни единого слова.

Сама по себе немота её не пугала — терпения доктору Дэн было не занимать. Удручало другое: упорно игнорируя лечащего врача, мальчик почему-то пошёл на контакт с её племянником, легкомысленным стажёром, который только-только пришёл в клинику. С ним Ли Чжи тоже почти не разговаривал, но его глухая оборона явно давала трещину. Ощетинившийся игольчатый барьер рядом с этим парнем словно немного истончился.

Двадцатилетний Дэн Чжоуюань едва успел окончить университет и теперь набирался опыта под крылом тёти. Высокий, видный собой, всегда готовый пошутить — в больнице он мгновенно стал любимцем всех медсестёр.

Впрочем, безмятежная жизнь молодого специалиста быстро подошла к концу: тётушка лично поручила ему присматривать за этим непростым пациентом.

Ли Чжи был обычным старшеклассником, но когда Чжоуюань впервые переступил порог его палаты, в голове у него промелькнула лишь одна дурацкая мысль: «Господи, неужели люди бывают такими красивыми?»

До того как стать его куратором, Чжоуюань видел мальчика лишь мельком. Их общение ограничивалось дежурными вежливыми фразами вроде «Доброе утро, Ли Чжи, лекарства принял?» или «Добрый вечер, как аппетит?». Пустая больничная болтовня, не более того.

И когда тётя безапелляционно заявила: «Он тебе доверяет, попробуй разговорить его», Чжоуюань опешил. На его лице отразилось такое искреннее недоумение, что впору было рисовать карикатуру.

Но спорить с начальством — себе дороже. Чжоуюань вздохнул, взял поднос с завтраком и, собравшись с духом, толкнул дверь палаты.

— Доброе утро, Ли Чжи. Пора вста...

Мальчик, обычно спавший допоздна, сегодня проснулся ни свет ни заря. Он сидел на коленях на широком подоконнике, слегка раздвинув плотные шторы. Тонкий луч утреннего солнца падал на его обнажённые бёдра, отчего кожа казалась почти прозрачной, светящейся изнутри.

Чжоуюань кашлянул, привлекая к себе внимание:

— Кхм... Ли Чжи, ты сегодня рано. Пора подкрепиться.

Он поставил поднос на прикроватный столик и приподнял металлическую крышку. По палате растёкся аппетитный аромат. Чжоуюань шутливо принялся, нагоняя ладонью пар:

— М-м-м... Сегодня на завтрак свежие булочки с чарсиу. Пахнут просто невероятно. Попробуешь?

Ли Чжи не пошевелился. Его отрешённый взгляд был прикован к какому-то невидимому уголку за окном. Чжоуюань замер в неловком ожидании. Прошло несколько минут, прежде чем мальчик наконец прыгнул с подоконника.

Его босые ноги утонули в мягком ворсе ковра. Он молча сел к столу, взял палочки и осторожно ткнул пышную булочку. Из надреза показался тёмный густой соус, оставив на белоснежной тарелке след, похожий на сладкую кровь.

Есть булочку Ли Чжи не стал. Вместо этого он потянулся к пиале с жидкой рисовой кашей, медленно, по крошечной капле поднося ложку к губам. Чжоуюань молча наблюдал за ним. Когда пиала опустела больше чем наполовину, а мальчика всё ещё не мучило, интерн облегчённо улыбнулся:

— Отлично, Ли Чжи! Кажется, аппетит понемногу возвращается...

Закончить фразу он не успел. Ли Чжи резко побледнел, зажал рот ладонью и бросился в ванную. Дверь с грохотом захлопнулась. Изнутри донеслись натужные, мучительные спазмы, а затем — шум спускаемой воды.

Вскоре дверь снова приоткрылась. Мальчик вышел, его мокрое лицо блестело от холодной воды. Чжоуюань тут же шагнул навстречу, протягивая бумажные салфетки:

— Всё в порядке?

Ли Чжи слабо качнул головой и едва слышно прошептал слова благодарности. Он взял салфетки, и Чжоуюань невольно скользнул взглядом по его предплечьям. Ещё месяц назад кожа там была изуродована глубокими шрамами, но теперь, после нескольких сеансов лазерной терапии, они превратились в едва заметные розоватые полосы.

Бережно придерживая мальчика за плечи, Чжоуюань помог ему сесть на диван у кровати, а сам устроился напротив на стуле, слегка подавшись вперёд.

— Хочешь чего-нибудь ещё? Может, чаю?

Ли Чжи мотнул головой.

— Ты сегодня очень рано проснулся. Сам проснулся или уснуть не мог?

Мальчик поднял на него тусклые, словно подёрнутые дымкой глаза, но промолчал. Его взгляд скользил сквозь интерна, уносясь куда-то далеко.

— Погода на улице чудесная, — мягко продолжил Чжоуюань. — Может, спустимся в сад, прогуляемся? Солнечный свет очень полезен для...

— Доктор Дэн, — негромко перебил его Ли Чжи. — Какое сегодня число?

По правилам отделения пациентам запрещалось постоянно держать при себе телефоны — гаджеты выдавали всего на пару часов в день. Ли Чжи коротал время за книгами или перед экраном телевизора. Другие развлечения, доступные в клинике, его совершенно не интересовали.

— А, сейчас... — Чжоуюань достал из кармана мобильный, сверился с экраном и назвал дату. Профессиональное чутьё заставило его насторожиться. — Что-то не так? Этот день для тебя чем-то важен?

— Мне приснился сон, — тихо произнёс Ли Чжи, проигнорировав вопрос о дате.

— Хороший или кошмар? Если хочешь, можешь поделиться со мной.

Чжоуюань замолчал, терпеливо ожидая продолжения. Секунды складывались в минуты, мальчик сидел неподвижно, упрямо сжав губы. Когда интерн уже решил, что разговор окончен, Ли Чжи прошептал:

— Не знаю... Я правда не знаю, хороший он или плохой.

Сердце Чжоуюаня забилось чаще. Кажется, ему наконец удалось нащупать крошечную трещину в глухой броне, которой окружил себя этот подросток.

— И что же тебе снилось? — осторожно спросил он, боясь спугнуть откровение.

— Это был не совсем сон, — покачал головой Ли Чжи. — Всё происходило наяву. Мне снилось... то, что случилось ровно год назад. В этот самый день.

Чжоуюань колебался, не зная, стоит ли расспрашивать дальше. Опыт подсказывал, что давить нельзя. Ли Чжи действительно умолк, погружаясь в собственные мысли, но его взгляд, до этого пустой и блуждающий, вдруг сфокусировался на лице интерна. В глубине серых зрачков вспыхнул едва заметный, трепетный огонёк.

На бледных щеках мальчика проступил едва заметный румянец, а губы обрели живой, тёплый оттенок.

— Похож... — прошептал он.

Чжоуюань растерянно коснулся своей щеки:

— На кого?

— Ты так похож на него... — Взгляд Ли Чжи стал робким, нежным и полным тоски. Под этим пристальным взглядом Чжоуюань почувствовал себя неловко и отвернулся. Мальчик продолжал говорить, но его голос упал до едва различимого шепота, в котором интерн сумел разобрать лишь обрывок слова: «...брат». Всё остальное растаяло в тишине палаты.

— Прости, я не расслышал. Что ты сказал?

Чужой голос безжалостно разрушил наваждение. Розовый румянец мгновенно сошёл с лица Ли Чжи, оставив лишь привычную болезненную бледность. Он снова замер, превратившись в безжизненную статую.

— Кажется, мне пора принять лекарства, — глухо произнёс он после долгой паузы.

Чжоуюань мысленно вздохнул. Он прекрасно понял этот прозрачный намек. В конце концов, его главной обязанностью было проконтролировать приём препаратов, после чего полагалось уйти.

Он отсчитал несколько разноцветных таблеток и высыпал их на узкую ладонь мальчика. Ли Чжи, не поднимая век, послушно закинул их в рот и запил водой. Чжоуюань привычным жестом попросил его приподнять язык, чтобы убедиться, что таблетки не спрятаны, и лишь после этого покинул палату.

Разгадать тайну этого молчаливого пациента снова не удалось. Докопаться до первопричины его затяжной депрессии — тоже. И всё же Чжоуюань не чувствовал разочарования: сегодня Ли Чжи наговорил больше, чем за всю прошлую неделю.

«И всё-таки... на кого я похож?» — размышлял интерн, шагая по коридору. Кто этот загадочный человек и какую роль он сыграл в судьбе мальчика? На эти вопросы у него пока не было ответов.

Дни в клинике тянулись бесконечной серой чередой. Каждый день приносил новые порции таблеток и дежурные обходы врачей. Но после долгого перерыва в лечении терапия не могла подействовать мгновенно, да и хрупкое доверие между Ли Чжи и молодым доктором не строилось за пару дней.

Мальчик по-прежнему не мог ничего есть. Его терзали слуховые галлюцинации и фантомные боли, от которых ныло всё тело. Но самое страшное испытание ждало его впереди — приступ безумия, который едва не лишил его рассудка.

Он очнулся среди ночи от удушающего кошмара. Осознание того, что он заперт в этих четырёх стенах, нахлынуло ледяной волной паники. Остаться в палате больше не было сил. Посидев на постели в оцепенении, Ли Чжи рывком поднялся.

На дворе стояла глубокая осень, из окон тянуло сыростью, но он даже не вспомнил про куртку. Не включая свет, ориентируясь лишь по тусклому лунному лучу, пробивавшемуся сквозь щель в шторах, мальчик бросился к выходу. Он вцепился в дверную ручку и принялся отчаянно, изо всех сил дёргать её на себя.

Дверь не поддавалась. Сколько он ни дёргал, сколько ни пинал её в бессильной ярости — тяжёлое железо оставалось глухо к его мольбам. Грудь словно сдавило каменной плитой, в лёгких катастрофически не хватало воздуха. Ли Чжи рухнул на колени и принялся остервенело колотить в дверь кулаками.

Его ладони горели огнём, покрываясь багровыми пятнами, но он не останавливался. Грохот в тишине ночного отделения неизбежно привлёк дежурного. Замочная скважина заскрежетала, замок щёлкнул. Стоило двери приоткрыться, как Ли Чжи со всей силой навалился на вошедшего, оттолкнул его и рванул в тёмный коридор.

На дежурстве стоял крепкий санитар, которого хрупкий, истощённый подросток не должен был даже покачнуть. Но в этот миг паника наделила Ли Чжи бешеной, противоестественной силой. Мужчина покачнулся, едва удержавшись на ногах, и беглец почти успел проскочить мимо.

Опомнившись, санитар рванул следом, перехватил мальчика и мёртвой хваткой заломил ему руки за спину.

— Код синий в палате А-012! — зычно крикнул он в глубину коридора. — У пациента острый психоз! Срочно несите успокоительное!

Рассудок Ли Чжи окончательно помутился. Даже со скованными руками он продолжал вырываться с нечеловеческим упорством. Он извивался всем телом, судорожно брыкался, словно выброшенная на берег рыба, и иступлённо кричал:

— Отпустите! Пустите меня! А-а-а!

Охваченный безумным ужасом, он не чувствовал ни боли, ни усталости. На подмогу санитару прибежали ещё двое дежурных. Мужчина навалился на бьющегося в истерике подростка, прижимая его к холодному полу палаты, а подбежавшая медсестра уже заносила шприц, целясь в ярёмную вену на шее.

Ли Чжи заворожённо, с диким страхом уставился на стальной блеск иглы. Изголодавшееся, исхудавшее тело выдало последнюю вспышку адреналина — он ухитрился выдернуть запястья из железной хватки санитары и мёртвой хваткой вцепился в ножки кровати, заползая под неё. Чьи-то пальцы больно ухватили его за лодыжку, и палата снова огласилась его раздирающим криком:

— Не трогайте меня! Не смейте! А-а-а!

— Пожалуйста, не надо... не трогайте меня... — Слезы градом катились по его щекам. Дыхание перехватило. В его воспалённом сознании явь смешалась с прошлым: ему почудился удушливый запах гниющих отходов, в ушах зазвучал издевательский, сочащийся ядом смех. Грязная брань обступала его со всех сторон, точно пасть чудовища. — Нет... умоляю, не надо...

Раздался противный скрежет металла по линолеуму — санитары дружно сдвинули кровать в сторону. Ли Чжи тщетно пытался удержаться за скользкий пол. Его укрытие исчезло. Оставшись совершенно беззащитным под холодным светом ламп, он мог лишь беспомощно наблюдать, как к нему приближается тускло поблёскивающее остриё шприца.

Его тело оцепенело, скованное парализующим ужасом. Точно так же, целую вечность назад, он лежал на грязном асфальте, не в силах пошевелиться — беззащитный, словно ягнёнок со сломанной ногой. Ли Чжи зажмурился, покорно ожидая, когда безжалостный мясницкий нож лишит его остатков сознания...

Но боли не последовало.

Вместо ледяного металла его коснулись тёплые, бережные ладони. Кто-то осторожно приподнял его с пола, ласково прижимая к себе. Мужской голос что-то тихо и убаюкивающе шептал, а широкая ладонь ритмично, успокаивающе похлопывала его по спине. Это простое движение отозвалось в груди Ли Чжи спасительным разрядом.

Он с трудом приоткрыл глаза. Пересохшее горло саднило.

— Всё хорошо, не бойся, теперь ты в безопасности... — доносилось сквозь пелену слёз. Человек не переставал мягко гладить его по спине. — Ну всё, тише, не плачь.

Но слёзы хлынули с новой силой. Ли Чжи судорожно, мёртвой хваткой вцепился в полы его пиджака, словно боясь, что этот призрак сейчас растает:

— Брат Минчжан...

Горячий шёпот сорвался с его искусанных губ.

— Почему ты бросил меня? Почему пришёл только сейчас? Мне было так плохо без тебя...

— Минчжан...

<http://bllate.org/book/20441/2178094>